

IV. АГРОНОМИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД НЭПА: ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ, ОБЪЕКТЫ

Сверхзадачей новой экономической политики было сохранение большевистского режима и формирование предпосылок для реализации коммунистического эксперимента. Замена конфискационной продразверстки натуральным налогом предотвратила всеобщее крестьянское восстание. Однако нэп, по мнению большевистских теоретиков, содержал в себе новую угрозу, которая заключалась в развитии капиталистических отношений. Возникающий в связи с этим в перспективе вопрос «кто кого» заранее решался в пользу социализма путем ограничения роста капитализма устанавливаемыми пределами. При этом лимиты в угоду политическому или экономическому моменту могли либо расширяться, либо сжиматься.

Цель макро- и микрореформирования аграрных отношений, проводимого в рамках нэпа, заключалась в создании условий для восстановления и поступательного развития сельскохозяйственного производства на базе мелкого крестьянского хозяйства. Составной частью аграрной политики являлось регулирование социально-экономических отношений в деревне, направленное на ограничение хозяйственного роста кулачества. Крупное крестьянское (кулацкое) хозяйство воспринималось руководителями Коммунистической партии однозначно как капиталистическое, а следовательно, враждебное. Дискуссионным оставался вопрос о количественных и качественных параметрах отнесения хозяйства в разряд кулацких.

Одним из направлений управленческой деятельности в сфере сельхозпроизводства в годы нэпа являлось агрономическое обслуживание деревни, под которым понимался комплекс мероприятий по налаживанию производства, повышению культуры земледелия и животноводства, внедрению научных достижений и передового опыта. Понятие «агрономическое» в данном контексте базируется на широком значении термина «агрономия», понимаемом как совокупность знаний обо всех отраслях сельского хозяйства, а не только о полеводстве.

В условиях происходившего в годы нэпа становления агрономического обслуживания как системы злободневным являлся вопрос о его задачах, объектах и методах. В их определении активно участвовали ученые-аграрники, имеющие отличные от марксистских взгляды на решение аграрного вопроса. В начале и середине 1920-х гг. значительное идейное влияние на специалистов земельных органов и часть партийно-хозяйственной номенклатуры страны оказывали ведущие теоретики организационно-производственной школы российской аграрной науки и прежде всего А.В. Чаянова.

В настоящем разделе анализируются вопросы, связанные с разработкой и реализацией принципов организации и задач агрономического обслуживания в Сибири в условиях нэпа. Организация агрономического обслуживания деревни от имени государства на подведомственной территории вменялась в обязанности областных, краевых, губернских, уездных, окружных земельных управлений (отделов). Мероприятия зоотехнического и агрономического характера, проводимые кооперацией, остаются за рамками исследования. Научно-теоретическая актуальность поставленной проблемы, прежде всего, связана с тем, что в агрономическом обслуживании как системе теоретических выкладок, структурных элементов и управленческих решений заложены сущность, содержание и основные противоречия нэпа. В связи с этим на основе его анализа можно определить внутреннюю динамику и периодизацию нэпа. Не менее важным в условиях современной общественной практики является обращение к историческому опыту проведения в нашей стране аграрных преобразований. Изучение организации агрономического обслуживания в годы нэпа может иметь и непосредственное практическое значение. Сибирь («Сибревкомовская Сибирь», Сибирский край) являлась одним из важнейших сельскохозяйственных районов страны.

После реставрации советской власти в конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири началось создание централизованной системы управления сельским хозяйством. Были образованы Сибземагдел при Сибревкоме, губернские и уездные земельные отделы. Основным методом привлечения в них специалистов являлась трудовая мобилизация на *«действительную службу по сельскому хозяйству»*¹. Приоритетное внимание земельных органов в условиях «военного коммунизма» уделялось агрообслуживанию колхозов и совхозов. При его проведении в отношении единоличного крестьянства применялся т.н. классовый подход, в соответствии с которым агро-

номическая помощь, прежде всего, оказывалась бедноте, а зажиточные слои ее лишались. Более того, осуществлялась конфискация живого и мертвого инвентаря и других ресурсов у зажиточных крестьян с их последующим предоставлением в распоряжение колхозов, бедняков, семей красноармейцев, хозяйств, «пострадавших от контрреволюции». В рамках т.н. внутриволостного перераспределения семена изымались у всех хозяйств, имевших их «излишки». Агромероприятия в деревне выполнялись в основном в рамках «ударных» кампаний, базовым методом проведения которых являлось разверстание плановых заданий и принуждение крестьян к их исполнению. Основными организаторами «ударных» кампаний были партийные и советские органы. Специалисты земельных органов, как правило, играли в них вспомогательную роль.

Переход к новой экономической политике не сразу изменил ситуацию. Весенняя посевная кампания 1921 г. прошла с использованием многих «военно-коммунистических» приемов, включая принудительное внутриволостное перераспределение семян. Однако по мере развертывания нэпа изменения в принципах агрономического обслуживания становились все более очевидными. Состоявшийся 3–11 июля 1921 г. 2-й Всесибирский земельный съезд («съезд губземотделов») в качестве приоритетной цели земельных органов региона определил поддержку индивидуального крестьянского хозяйства, которое таким образом становилось основным объектом агрономического обслуживания. При этом базовым принципом работы в деревне в новых условиях должно было стать пробуждение и использование инициативы и самостоятельности населения². Ноябрьская (1921 г.) сибирская земельная конференция особо подчеркнула, что деятельность земорганов должна *«носить характер регулирующий, научающий и лишь в слабой степени являться непосредственно действующей в с[ель]х[оз]производстве»*³.

В направленном весной 1922 г. в СТО отчете Алтайского губземотдела констатировалось изменение всей системы деятельности земорганов в связи с введением нэпа. Произошел переход от *«понуждения»* к выполнению государственного задания в обязательном порядке к созданию экономической заинтересованности производителя во внедрении рекомендованных ему мероприятий по улучшению культуры земледелия и животноводства. Вместо бесплатного отпуска сельхозинвентаря вводился их отпуск за наличный расчет, отработку в обмен на сельхозпродукцию. Государственная материальная и финансовая помощь колхозам была фактически прекраще-

на. Ранее предоставляемые им налоговые льготы отменялись. Совхозы переводились на хозрасчет. Резко сокращалось бюджетное финансирование самих земельных органов⁴.

Необходимость приближения системы агрономического обслуживания к крестьянству актуализировала проблему выбора форм организации его низовой сети. В основе ее создания лежало разделение территории уезда на ряд районов, включающих в себя несколько волостей. Создание учреждений в каждой волости ввиду их многочисленности и малых размеров было невозможно и нецелесообразно. В дореволюционной России низовая сеть агрообслуживания существовала в форме созданных земствами агрономических участков. В докладе заведующего подотделом сельского хозяйства Сибземотдела Н.И. Вентцера на сельскохозяйственной секции 2-го Всесибирского земельного съезда предлагалось отказаться от участковой агрономии. Вместо нее в каждый район предполагалось направить специалистов по отдельным отраслям сельского хозяйства, самостоятельно занимавшихся организацией мероприятий по обслуживанию собственной отрасли. Однако во время работы съезда в Сибземотдел поступило циркулярное письмо НКЗ РСФСР. К нему прилагались одобренные Московским обществом сельского хозяйства тезисы московского губернского агронома И.П. Степанова, который считал, что *«в основу построения организации агрономической помощи населению должен быть положен принцип участковой агрономии»*⁵. По итогам рассмотрения вопроса, участники заседания секции, *«обсудив все доводы за и против обоих методов при применении того или иного из них в условиях Сибири, постановили считать более приемлемыми методы оказания агрономической помощи населению, изложенные в тезисах агронома И.П. Степанова»*⁶.

В основу участковой организации был заложен комплексный подход к крестьянскому хозяйству, которое воспринималось как целостный, неделимый организм. Основной задачей агрообслуживания в связи с этим являлось развитие не отдельных отраслей, а хозяйства в целом. В связи с этим в каждом районе следовало создать единый агроучасток во главе с агрономом. Последний рассматривался не столько как специалист в области растениеводства, сколько как экономист и организатор сельхозпроизводства. Специалист по животноводству (зоотехник) назначался помощником агронома⁷.

Несмотря на решение 2-го Всесибирского земельного съезда, схема организации агроучастков в Сибири была принята не сразу и не повсеместно. Наиболее последовательно участковая система

внедрялась в Омской губернии, руководители земельного управления которой (заведующий А.М. Розе и зав. отделом сельского хозяйства И.И. Осипов) в своей практической деятельности опирались на опыт дореволюционной земской агрономии. В ряде губерний в районах, специализирующихся на скотоводстве, создавались животноводческие участки во главе с зоотехником. Специалист по полеводству (агроном) становился его помощником. Попытка построить своеобразный гибрид двух систем была предпринята в Алтайской губернии. С целью *«приближения к населению всех мероприятий по оказанию непосредственной помощи»* большая часть специалистов из губернского и уездных земуправлений направлялась в центры «инструкторских» районов, на которые была разделена губерния. Все прибывающие туда специалисты, а также существующие на месте учреждения и предприятия земорганов объединялись под руководством районного инструктора-организатора в единый центр, получавший название «агробазы». В Сибири имели место также попытки передачи агроучастков сельхозкооперации с целью экономии средств местного бюджета⁸.

На состоявшемся в декабре 1924 г. 5-м Сибирском земельном совещании агроучасток окончательно был признан единственной формой низовой организации агрообслуживания в Сибири⁹. К этому времени в соответствии с участковой системой была приведена управленческая надстройка агрономической организации. Подотделы земледелия и животноводства, которые в Сибземотделе и ряде губземотделов функционировали автономно или входили в другие структурные единицы, объединялись в отделы сельского хозяйства, а заведующие данных отделов на всех уровнях получали статус агрономов: уездных, губернских, областного (краевого).

В 1924–1926 гг. в ходе т.н. районирования Сибири произошли изменения ее административно-территориального устройства. Волости сначала укрупнялись, а затем преобразовывались в районы. Губернское и уездное деление заменялось окружным. «Сибревкомовская Сибирь» была преобразована в Сибирский край. Соответствующие изменения произошли в структуре земельных органов. Сибирское земельное управление реорганизовано в Сибирское краевое земельное управление. Учреждались окружные земельные управления, а губернские и уездные ликвидировались. Создание укрупненных волостей (районов) придало агрономическим участкам определенные территориальные рамки. 1-й краевой съезд советов постановил *«в 1926–27 г. установить постоянную сеть агроучастков по числу*

районов, приняв необходимые меры к заполнению достаточным количеством квалифицированных кадров»¹⁰. До создания полноценных участков в райцентры направлялись участковые агрономы. Агрообслуживание тех районов, в которые они еще не были назначены, проводили инструкторы окружных (уездных) земельных управлений.

В «нормальный» штат участка помимо агронома в качестве его помощников входили 2 специалиста (инструктора): по животноводству (зоотехник) и общему полеводству, а также вспомогательный персонал. Инструкторский состав участка мог быть увеличен за счет специалистов по наиболее перспективным для данного района специальным отраслям сельского хозяйства (например, по масличным и волокнистым культурам, пчеловодству). До заполнения участков кадрами совместную работу с участковыми агрономами вели специалисты, работавшие в окружном (уездном) земельном управлении.

Центром участка являлся агропункт, включающий агрокабинет с набором инструментов, наглядных пособий и библиотекой, земельный участок для опытных и демонстрационных посевов, склад современного сельхозинвентаря, предназначенный для ознакомления с ним крестьян и обработки опытного поля. Рекомендовалось также создание при участке «сельскохозяйственного музея». В том случае, если в районе отсутствовали кооперативные случные пункты и «свинные рассадники», их также надлежало устроить при агропункте¹¹.

В 1923 г. на территории Сибирского края функционировали 94 агроучастка различного типа (в т.ч. агробазы) и работали 112 участковых агрономов, в 1924 г. число агрономических участков увеличилось до 122, в 1925 г. – до 183, в 1926 г. – до 222, в 1927 г. – до 233, в 1928 г. – до 242¹². Параллельно с заполнением районной сети агроучастками в райцентрах создавались землеустроительные и ветеринарные (ветврачебные или ветфельдшерские) участки.

Координация деятельности находившихся в районе землеустроительных, ветеринарных участков и иных земельных органов возлагалась на участкового агронома. Все мероприятия, проводимые на территории агроучастка по указанию И.И. Осипова, ставшего в декабре 1924 г. областным агрономом, должны были в обязательном порядке согласовываться с участковым агрономом, включаться в участковый план и проводиться *«за его общей ответственностью»*. Наиболее тесной увязке с агрономическими мероприятиями подлежала работа землеустроителей, *«ибо прогрессивные начинания в области земледелия возможны только после осуществления правиль-*

ной и рациональной организации земельной территории». «Ветеринарная организация, помогая в значительной мере одной из основных частей здания – животноводству, в дальнейшем служит охранителем этой колоссальной постройки от возможного разрушения. Ветеринарная работа должна быть в первую очередь направлена на те отрасли, кои закрепляют агрономическую работу, и быть согласованной с общим планом переустройства хозяйства»¹³.

В основу агрономической организации были заложены принципы единства агрообслуживания и его общественного характера. Принцип единства агрообслуживания, прежде всего, подразумевал ведущую роль земельных органов в организации и оказании агропомощи и подчиненный им характер деятельности иных структур, обслуживающих сельское хозяйство. Отставание данного принципа происходило на фоне попыток кооперации взять на себя руководство агрообслуживанием деревни. Заместитель уполномоченного НКЗ по Сибири А.М. Розе в 1924 г. призывал *«в корне отвергать»* параллелизм в осуществлении агропомощи, а также попытки обособления агрономической организации от земорганов. *«Примером могут служить некоторые губернии, где с[ель]х[оз]кооперация, имеющая самостоятельный агрономический аппарат, проводит параллельно с земорганами ряд агрикультурных мероприятий, а в то же время в некоторых губерниях не совсем еще изжито настроение о необходимости передачи агрономической организации от земорганов с[ель]х[оз]кооперации»¹⁴.*

Позднее позиция руководителей земорганов несколько смягчилась, хотя принципиально не изменилась. В 1926 г. крайагроном И.И. Осипов не возражал против наличия в кооперации агрономического персонала и не исключал увеличения его численности в дальнейшем. Однако считал, что кооперация в силу своей специализации *«не сможет поставить своей целью обслуживать все хозяйство в целом»*. Специалисты и инструкторы различных видов кооперации несут ответственность за отдельные отрасли сельского хозяйства, *«их работа лишь часть общего дела по переустройству сельского хозяйства, руководимого земельными органами, поэтому, если необходима увязка и согласование работы землеустроителя и ветеринара с общим агрономическим планом улучшения хозяйства, то в отношении специалистов кооперации это положение должно быть подчеркнуто достаточно твердо»*. И.И. Осипов не возражал против создания специальной переселенческой агрослужбы *«в районах необжитых, где вся задача на первое время будет заключаться в*

борьбе за сельскохозяйственную площадь, а также в научном исследовании района». В то же время агропомощь переселенцам в обжитых районах должна оказываться исключительно через агроучасток, который следует усилить необходимым дополнительным персоналом. Агрообслуживание в районах первичной колонизации «с установлением нормальной работы» также должно вливаться «в общую агрономическую организацию земельных органов»¹⁵.

Общественный характер агрообслуживания выражался в создании коллегиальных органов. Участковый агроном должен был инициировать учреждение в районе сельскохозяйственного совета, к работе которого помимо членов т.н. низовой земельной ячейки (самого агронома, землеустроителя, ветеринарного врача/фельдшера, лесничего) следовало привлечь представителей райисполкома, районных организаций ВКП(б) и ВЛКСМ, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих, женотдела, кооперативных организаций, сельсоветов, совхозов, колхозов и других производственных кооперативов, опытных полей и станций, земельных обществ, *«других учреждений и организаций, могущих оказать содействие в работах по улучшению сельского хозяйства данного района»*, отдельных крестьян-культурников. Совет должен был созываться не менее 2 раз в год. В его задачи входило определение и обсуждение проблем сельского хозяйства района.

Для более детальной проработки вопросов развития отрасли, их подготовки для сельхозсовета, повседневного согласования и увязки работ в данной сфере, разрешения срочных вопросов создавался постоянно действующий орган – сельхозбюро. В его состав входили участковый агроном, землеустроитель, ветврач/фельдшер, лесничий, представители райисполкома, райкома ВКП(б) и ВЛКСМ, ККОВ, кредитной кооперации. С 1926 г. функции сельхозбюро стали возлагаться на сельскохозяйственные секции райисполкомов. При каждом агропункте следовало учредить сельскохозяйственный кружок¹⁶.

На окружном и краевом уровне коллегиальность управления проявлялась в регулярном созыве земельных съездов, агрономических, землеустроительных и иных совещаний, на которые помимо руководителей и специалистов земельных органов приглашались представители партийных и советских органов, кооперации, а также крестьяне-культурники.

В качестве базиса общественного характера агрообслуживания рассматривалась инициатива и самодеятельность крестьянства, ко-

тору, в свою очередь, должен был пробуждать персонал низовых земельных органов, создавая потребность в агропомощи со стороны сельских хозяйств. По мнению И.И. Осипова, основную угрозу общественному характеру агрономии создает подмена агронома-общественника агрономом-чиновником, который работает не на население, а на районное начальство: *«исправно сидит от девяти до трех с половиной в РИКе, пишет, а иногда печатает на машинке бумажки в сельсоветы, участвует во всех комиссиях и заседаниях, ездит по деревням отыскивать укрытые объекты обложения, замещает заведующего райземстолом, когда тот уезжает по делам службы и т.д.»*¹⁷. Определенной гарантией «независимости» земельных работников от районных властей являлось то, что агрономические, а также землеустроительные и ветеринарные участки находились в непосредственном подчинении окружных земуправлений.

В задачи органов, осуществляющих агрономическое обслуживание, входили: 1) координация деятельности землеустроительных, кредитных, машиноснабженческих и других структур и сосредоточение их усилий на оптимальных направлениях развития аграрного сектора; 2) агрономическая пропаганда (пропаганда культурных приемов земледелия и животноводства через лекционную и кружковую работу, опытные станции, сельскохозяйственные выставки и др.); 3) агрономическая помощь (внедрение культурных приемов в земледелие и животноводство, мероприятия по защите растений, очистке семян, улучшению пород скота, внедрению удобрений, введению севооборотов и т.п.).

При реализации данных задач в первые годы нэпа использовались два основных метода работы (способа подхода к хозяйствующему населению): массовый и индивидуальный. Индивидуальный метод предполагал оказание на договорной основе агропомощи отдельным крестьянскими хозяйствам, желающим и способным внедрить у себя комплекс передовых приемов ведения земледелия и животноводства. Необходимость *«использования инициативы и прогрессивно-хозяйствующей деятельности отдельных передовых хозяйств»* была подчеркнута еще 2-м Всесибирским земельным съездом¹⁸. Данная линия вполне соответствовала указаниям центральных органов власти. Так, IX Всероссийский съезд Советов в своем постановлении от 26 декабря 1921 г. предложил НКЗ *«разработать и провести в законодательном порядке все мероприятия, необходимые для охраны и поощрения хозяйств, переходящих к более усовершенствованным и сложным способам ведения хозяйства»*¹⁹.

Массовый метод агроработы заключался во внедрении отдельных улучшений агрикультуры в возможно большее количество крестьянских хозяйств. В начале 1920-х гг. в условиях острого дефицита кадров и средств массовые мероприятия по-прежнему проводились в рамках «ударных» кампаний, позволявших на короткий срок сосредоточивать на выполнении какой-либо актуальной задачи все силы земельных органов с привлечением советского и партийного аппарата. Кампании могли иметь общерегиональный или локальный, комплексный или специализированный характер. Примерами специализированных кампаний являлись мероприятия по борьбе с определенными видами сельхозвредителей: «головней», саранчой и др. Наиболее масштабными общерегиональными комплексными «ударными» кампаниями стали посевные кампании, в ходе которых земельные органы сосредоточили свое внимание на отборе, подготовке и распространении семенного материала. При этом «ударные» кампании постепенно лишались «военно-коммунистического» содержания. Начиная с 1922 г., необходимые для посева семена не конфисковывались, а приобретались, а их снабжение нуждающихся хозяйств осуществлялось на основе возвратной семенной ссуды.

Постепенное увеличение штатов сибирских земорганов позволяло переходить от кратковременных кампаний к повседневной планомерной массовой работе. Наиболее широкое распространение в Сибири получили: агропросветительная работа, зерноочистка, борьба с вредителями сельхозрастений и болезнями животных, снабжение населения чистосортными семенами, сельхозинвентарем и машинами, организация случайных пунктов и племенных рассадников, кредитная помощь, землеустройство.

В условиях нэпа тезис о классовой направленности аграрной политики оставался «священной коровой» большевистской теории. Перманентные дискуссии велись лишь по вопросу о методах и пределах ее реализации. Проблема «классового подхода» применительно к организации агрономического обслуживания деревни в основном реализовалась в рамках определения его объектов и специфических приемов агропомощи по отношению к отдельным группам сельского населения. В первые годы нэпа в решениях центральных и местных партийных органов постоянно подчеркивалась необходимость оказания первоочередной помощи малоимущим хозяйствам. Однако в силу всеобщего обеднячивания сибирского крестьянства подобные призывы имели скорее ритуальный характер.

Улучшение хозяйственного положения в деревне и ставшее более явственным ее имущественное расслоение привели к определенному ужесточению классово-риторической политики. В резолюции XIII съезда РКП(б) «О работе в деревне» от 31 мая 1924 г. подчеркивалось, что советская власть *«должна развивать все в большем размере поддержку малоимущих элементов деревни в целях поднятия их хозяйства и ограничения эксплуататорских тенденций кулака»*²⁰. Данный тезис, естественно, переключался и в решения нижестоящих, в том числе земельных инстанций. Так, например, в резолюции июньского (1924 г.) Енисейского губернского земельного совещания указывалось на то, что *«формирование кулацких групп выдвигает задачу организационно-хозяйственной помощи беднейшим слоям деревни»*. Состоявшееся в декабре того же года 5-е сибирское земельное совещание призвало земельных работников сосредоточить внимание *«на обслуживании нужд малоимущего и среднего крестьянства»*²¹. Тем не менее и на этот раз какого-либо практического воплощения подобные призывы не имели.

В 1925 г. в рамках проведения курса РКП(б) «Лицом к деревне» произошла определенная либерализация аграрной политики. С целью стимулирования роста товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Дезавуировались административные меры в отношении зажиточных хозяйств. Интенсивность антикулацкой риторики в партийных решениях существенно снизилась.

Руководители и специалисты земельных органов Сибири не только поддержали либеральные тенденции в аграрной политике, но и попытались их развить при осуществлении агрономического обслуживания деревни. Уполномоченный НКЗ РСФСР по Сибири – заведующий СибЗУ П.А. Месяцев²² на апрельском (1925 г.) совещании заведующих губернскими земельными управлениями (губЗУ) и губагрономов в докладе «Итоги и перспективы работы земорганов Сибири»²³ определил, что дальнейший подъем сельского хозяйства не может идти за счет подъема бедняцких хозяйств. Для наиболее малоимущей части бедноты (с площадью посева до 2-х дес. на хозяйство), по его мнению, характерно иждивенчество, хозпораженчество и психология люмпен-пролетариата. Такие хозяйства *«в сельскохозяйственном отношении, как отдельные хозяйственные единицы и как единоличные хозяйства, являются совершенно безнадежными»*. Объединение подобных хозяйств в кооперативы и коллективные хозяйства нецелесообразно, т.к. *«опыт показывает, что*

колхозы и простейшие первичные производственные кооперативы, организованные из таких бедняков, являются наименее прочными и легко распадаются». Беднота, считал П.А. Месяцев, обречена на пролетаризацию, и задача земельных органов по отношению к ней заключается в содействии получения выгодных условий найма. Группа хозяйств с посевом от 2 до 6 дес. также отличается высокой степенью неустойчивости. Упрочить свое положение они могут лишь объединяясь в простейшие производственные кооперативы. Задача земорганов в отношении данной группы заключается в содействии в кооперировании и «проведении простейших, доступных этому хозяйству, агрикультурных мероприятий».

Основным же объектом агрообслуживания, по мнению зав. СибЗУ, должны стать середняцкие хозяйства (с посевом от 6 до 10 дес.). *«Это как раз и есть тот слой, который легче поддается агрономическому воздействию и, желая увеличить доходность своего хозяйства, легче всего отзывается на агрикультурные улучшения».* Применительно к середнякам земорганы должны, *«не отказываясь от массового метода, а углубляя и расширяя массовые мероприятия, <...> обратить главное внимание на проведение мероприятий по коренной реорганизации сельского хозяйства».*

Делая упор на обслуживании середняков, земельные работники не должны игнорировать зажиточных крестьян, которые дают *«возможность проводить в их хозяйствах более сложные агрикультурные мероприятия и улучшения».* В связи с этим заведующий СибЗУ дезавуировал обвинения в том, что земработники работают с зажиточными слоями. *«Такие нарекания обнаруживают лишь полное непонимание сущности агрономической и агрикультурной работы».* Проведение в зажиточных хозяйствах сложных агрикультурных мероприятий является не целью, а средством. *«Мы проводим их не для оказания помощи зажиточному крестьянству, а в целях показательных, чтобы дать пример для всей окружающей массы хозяйств, чтобы вызвать у них зависть и подражание, чтобы подготовить почву для проведения массовых мероприятий».*

В резолюции совещания по докладу об объектах и методах работы земорганов указывалось: *«Агрикультурному обслуживанию подлежат все группы хозяйств. Разница только в методах работы. Если массовые мероприятия проводятся по преимуществу в бедняцких и середняцких слоях (кооперирование), то показательные мероприятия, требующие культурности хозяйства и хозяина, новых затрат и т.п., то их проведение по необходимости ограничивается».*

более зажиточными и крепкими слоями крестьянства». В опубликованной в журнале «Земельный работник Сибири» информации об итогах апрельского совещания особо подчеркивалась та часть его резолюции, в которой указывалось на необходимость «оказывать всемерную помощь и содействие хозяйственному росту старательно-культурного и хозяйственно-крепкого крестьянства, борясь со всякими попытками смешения его с кулачеством и задержки, таким образом, развития производственных сил в сельском хозяйстве»²⁴.

Руководители и специалисты земельных органов Сибири зажиточных крестьян кулаками не считали. Следуя неонароднической традиции, в разряд последних они относили только тех жителей деревни, которые занимались ростовщицеством и торговлей, а также использовали наемную рабочую силу на постоянной основе²⁵. На 5-м Омском губернском земельном совещании П.А. Месяцев, докладывая об итогах своей поездки по краю, заявил, что он «почти не нашел кулака, а нашел только исправных хозяев»²⁶.

В решениях земельных органов Сибири постоянно декларировалась необходимость оказания агропомощи колхозам. Однако на практике масштабы этой помощи были невелики. Во-первых, число колхозов после перехода к нэпу резко сократилось. В 1927 г. в Сибирском крае в них входило всего лишь 0,7% крестьянских дворов²⁷. Во-вторых, руководители и специалисты сибирских земельных органов скептически относились к колхозному движению и его перспективам. П.А. Месяцев на апрельском (1925 г.) земельном совещании определил колхозы как «очень трудно прививающуюся» форму организации сельхозпроизводства²⁸. Считалось также, что обслуживать коллективные хозяйства должны кооперативные организации. Совхозов в регионе было еще меньше²⁹. Кроме того, в наиболее крупных из них и в их объединениях (трестах) существовала собственная агрономическая и зоотехническая служба.

Одной из задач, вменяемых в условиях нэпа в обязанности земельных органов, являлась выработка перспективных планов развития сельского хозяйства в подведомственных им районах. Обращение к перспективному планированию исходило как из большевистских установок на внесение плановых начал во все отрасли экономики, так и из осознаваемой в общественной практике необходимости выбора модели будущего развития аграрной экономики. Определение перспектив сельского хозяйства не было самоцелью, а являлось базовым основанием организации текущего агрообслуживания деревни. Непосредственное начало разработки перспективных сель-

скохозяйственных планов в Сибири и других регионах страны было положено в циркуляре НКЗ РСФСР от 18 августа 1923 г., к которому прилагались «Методологические требования Наркомзема к составлению перспективных планов»³⁰.

Сибирское земельное управление, получив циркуляр с приложением, переадресовало его в губЗУ. На основе данного документа в Омском губЗУ под руководством его заведующего А.М. Розе была подготовлена программа составления перспективного плана. Она была рассмотрена на краевом совещании земельных работников в ноябре 1923 г. и принята за основу разработки сибирских погубернских планов. В соответствии с данной программой в 1924–1926 гг. были составлены перспективные планы развития сельского хозяйства Омской, Алтайской, Иркутской, Томской губерний и Ойротской автономной области³¹. Параллельно с составлением перспективных планов на местах велась работа над общесибирским планом³². Общее руководство ею осуществлял П.А. Месяцев. Непосредственная же подготовка плана была возложена на комиссию, в состав которой входили руководители и ведущие специалисты СибЗУ И.И. Осипов, В.Е. Максимов (зав. отделом землеустройства), И.С. Шилдаев (зав. подотделом земледелия и зам. областного агронома по агросети), И.М. Жуйков (зав. подотделом экономики и статистики), С.С. Марковский (директор Западно-Сибирской (Омской) областной опытной станции). Окончательный вариант плана появился в конце 1925 г. и был опубликован в 1926 г.³³

В «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края» предлагалась программа превращения Сибири в течение последующей четверти века в район интенсивного сельского хозяйства, имеющего преимущественно экспортный характер. При этом аграрная сфера мыслилась основой экономики региона. Основной статьей сибирского сельскохозяйственного экспорта, как и до революции, должно было стать животное масло, а аграрное производство в связи с этим приобретало преимущественно молочно-масляное направление.

Авторы плана осторожно, чтобы не получить обвинение в антимарксизме, но достаточно твердо отвергали необходимость коллективизации деревни: *«Придавая чрезвычайно важное значение коллективным формам сельскохозяйственного производства и учитывая растущую при этих формах производительность труда и возможность более рациональной организации хозяйства, все же Сибирское краевое земельное управление базируется в основе на существующих*

и господствующих ныне формах массового крестьянского хозяйства, так как трудно пока предугадать темп и время перехода массового крестьянского хозяйства к этим совершенным формам»³⁴.

В качестве социальной базы и основного объекта реконструкции сельского хозяйства в «Перспективном плане» рассматривались семейно-трудовые крестьянские хозяйства. Каждое из них в течение 25 отводимых для исполнения плана лет предполагалось довести до оптимального организационно-хозяйственного размера.

Существенное место в плане отводилось кооперации, ей надлежало сыграть решающую роль в организационно-технологической перестройке аграрного производства. Основным направлением развития кооперации становилась ее специализация. Если во время составления Перспективного плана сельскохозяйственная (кредитная) кооперация одновременно выполняла ссудные, товаропосреднические, сбытовые, агрикультурные и производственные функции, то в будущем каждую из этих операций следовало передать отдельным видам кооперации. В итоге сибирские крестьяне становились членами специализированных закупочно-сбытовых, перерабатывающих (прежде всего маслодельческих), мелиоративных, машино- и товароснабженческих, семеноводческих, племенных и т.п. кооперативов.

Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, объединенными в кооперацию, определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона должны были занять коллективные и государственные хозяйства. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию слои деревни, предполагалось специализировать на семеноводческой и племенной работе. Те же функции возлагались и на совхозы. Помимо этого, совхозам надлежало заниматься коневодством для армейских нужд и мериносовым овцеводством.

Тем самым в «Перспективном плане» предлагался «третий путь» решения агро-крестьянского вопроса, отличный как от традиционного капиталистически-фермерского, так и от грядущего сталинско-колхозного. При этом его авторы опирались на разработанные А.В. Чаяновым теории «устойчивости крестьянского хозяйства», «дифференциального оптимума» и «кооперативной коллективизации»³⁵. Следует также отметить, что ставка на развитие не коллективного, а индивидуального крестьянского хозяйства в середине 1920-х гг. в целом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрном вопросе.

Организационные схемы оптимальных крестьянских хозяйств в «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края» для всех природно-географических районов строились на основе травопольных севооборотов. Травополье – разработанная известным российским почвоведом академиком В.Р. Вильямсом система земледелия, повышение плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты значительного (до 50%) клина сеяных трав. Травопольные севообороты также предполагали наличие паров (в связи с этим данная система земледелия иногда определяется как паротравопольная) и чередование культур³⁶.

Исходным пунктом обоснования необходимости перехода к травополью являлась разработанная в рамках омской агрономической школы теория «органического кризиса» сибирского растениеводства, ставшего следствием эволюции систем земледелия на территории региона. В работах создателей данной теории³⁷ констатировалось, что во второй половине XIX в. в основных земледельческих регионах Сибири преобладали залежная и паро-залежная системы земледелия. При залежной системе истощившая свои ресурсы пашня оставлялась на длительный срок без обработки (в залежь) и вновь вовлекалась в оборот после естественного восстановления плодородия. В паро-залежной системе для этого использовали не только залежь, но и чередование посева с паром. Массовое крестьянское переселение в начале XX в. привело к многократному увеличению посевов. Площадь свободных целинных земель сокращалась, что приводило к вовлечению в полевой оборот не восстановившей плодородия залежи. Ее распашка стала причиной систематического снижения урожайности³⁸ и вынуждала земледельцев переходить от возделывания высокоценных твердых пшениц к производству менее качественных мягких и расширению посевов т.н. «серых» хлебов – ржи, овса, ячменя. Кроме того, массовая распашка залежи, которая использовалась для выпаса скота, сужала базу для развития кормопроизводства и создавала препятствие для расширенного развития наиболее товарной отрасли сибирского сельского хозяйства – маслоделия.

Дальнейшее земельное утеснение оборачивалось переходом к безнадежно к тому времени устаревшему трехполью. А трехпольные севообороты не создавали надежной базы для получения стабильно высоких урожаев зерновых и технических культур и совсем не годились для выращивания твердых сортов пшеницы. Преодолеть «органический кризис» сибирского земледелия и предотвратить его спол-

знание к трехполью, по мнению представителей омской агрономической школы, можно только путем постепенного и повсеместного перехода к травопольной системе земледелия. Травополье позволяло увеличить урожайность без применения дорогостоящих минеральных удобрений и способствовало решению кормового вопроса. Искусственная травяная залежь также создавала благоприятные условия для выращивания твердой пшеницы и льна.

В Сибири первые опыты по внедрению данной системы были начаты еще до Октябрьской революции и продолжены в послереволюционный период. Основным центром разработки травопольных севооборотов являлось Омское центральное сельскохозяйственное общество³⁹. Вопрос о необходимости перехода от залежной системы к травопольной был поставлен в докладе Омского губземотдела 2-му Всесибирскому земельному съезду в июле 1921 г. В 1922 г. 1-е Омское губернское агрономическое совещание рассматривало внедрение травополья в качестве одной из приоритетных задач земельных органов губернии⁴⁰. На состоявшемся в ноябре 1923 г. областном земельном совещании омичи убедили руководство СибЗУ поднять данную задачу на региональный уровень. В окончательном варианте резолюции совещания предлагалось при составлении краевого и всех губернских перспективных планов исходить из необходимости перехода к травопольной системе земледелия⁴¹. Данную позицию активно поддержал и прибывший в ноябре 1924 г. в Сибирь П.А. Месяцев. 5-е сибирское земельное совещание рассматривало паротравополье *«как лозунг, как идеал достижения в ближайший период в сельском хозяйстве Сибири, вокруг которого должны быть объединены усилия земельных работников и органов воздействия на сельское хозяйство»*⁴². Пропаганда новой системы земледелия была провозглашена одной из главных редакционных целей созданного в 1925 г. журнала крайЗУ «Земельный работник Сибири»⁴³. 30 марта 1926 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) после заслушивания доклада П.А. Месяцева приняло постановление «Об очередных задачах в области сельского хозяйства», в котором признавался *«правильным и единственно целесообразным путь дальнейшего развития и реорганизации сельского хозяйства Сибири через внедрение паротравополья»*⁴⁴.

Следует отметить, что в сельскохозяйственной науке того времени существовали альтернативные взгляды на перспективы сибирского земледелия. Сомнения в целесообразности широкого внедрения травополья высказывались на ряде крупных совещаний руководящих работников сельского хозяйства края в середине 1920-х гг., в

т.ч. на 5-м Омском губернском земельном совещании. Критика точки зрения сибирских специалистов была дана также представителем НКЗ агрономом А. Котовым и ведущим специалистом наркомата А.Н. Челинцевым⁴⁵.

Оппоненты считали, что паро-залежная система в ряде районов Сибири не исчерпала своего потенциала, а перспектива перехода к трехполью является слишком отдаленной, чтобы учитывать ее в агрономической практике. В связи с этим ими предлагалась рационализация существующей системы путем введения в севооборот культурных паров и пропашных культур при сохранении определенного процента залежи. Травосеяние, но не столь масштабное, как в травопольной системе, также должно было использоваться как средство улучшения агрикультуры.

Тем не менее сторонники повсеместного внедрения травополья реагировали на критику в свой адрес весьма болезненно. Пользуясь своим служебным положением, они не допускали появления в сибирской сельскохозяйственной периодике публикаций с иной точкой зрения. Для отстаивания своей позиции ими посылались (в целом безрезультатная) делегация в НКЗ⁴⁶. На совещании заведующих окрЗУ и окружных агрономов в мае 1926 г. И.Н. Харламов, заменивший в должности заведующего крайЗУ отозванного в Москву П.А. Месяцева, ссылаясь на вышеупомянутое постановление Сибкрайкома ВКП(б) от 30 марта 1926 г., требовал *«раз и навсегда прекратить споры о паротравополье»*⁴⁷.

Одной из наиболее принципиальных организационных задач «травопольного проекта» являлась выработка поэтапного алгоритма его реализации, поскольку одномоментный перевод более миллиона распыленных на огромной территории крестьянских хозяйств⁴⁸ от одной агротехнической системы к другой был абсолютно исключен. В первую очередь следовало решить вопрос о выборе формы землепользования, наиболее благоприятной для внедрения травополья. Данная система земледелия с многолетними севооборотами предполагала выделение каждому вводящему их хозяйству отдельно расположенного, компактного земельного участка на практически неограниченный срок. Обеспечить подобные условия в рамках сибирской многодворной крестьянской общины было практически невозможно. Закрепленные за отдельным хозяйством земельные участки, как правило, были разбросаны по территории общины и находились достаточно далеко как друг от друга, так и от двора. В ряде земельных обществ наделы подвергались периодическим полным или частич-

ным переделам. В тех общинах, в которых переделы не практиковались, их потенциальная возможность все же сохранялась.

Требованиям устойчивости землепользования в полной мере отвечали хутора. Поэтому травопольные севообороты в крестьянском секторе аграрной экономики первоначально внедрялись в хуторских хозяйствах⁴⁹. Однако некоторые особенности хуторской системы делали невозможным массовое тиражирование данной формы землепользования в Сибири. В сельскохозяйственной литературе указывалось на то, что хутор, хотя и пригоден для земледелия, но не отвечает требованиям рационального ведения животноводства. Кроме того, на юге края условия водоснабжения препятствовали выделению хуторских участков. И, наконец, хуторское разверстание затрудняло объединение крестьян в простейшие производственные кооперативы⁵⁰.

В качестве альтернативы общинной и хуторской форм землепользования был избран небольшой поселок, выделенный из многодворной общины – выселок⁵¹. В его рамках крестьяне должны были получать постоянные и не подлежащие переделу земельные участки – отруба. В их совместном владении оставались выгон и источники водоснабжения⁵². Построенный на данных принципах выселок позволял преодолеть издержки многодворной передельной общины, облегчал, таким образом, внедрение травопольных севооборотов и в то же время не нес в себе недостатков хуторской системы. Исходя из этого «поселкование» с разделом сельхозугодий внутри выселков на постоянные отруба было провозглашено наиболее оптимальной формой рационализации крестьянского землепользования в Сибири⁵³.

Выбор выселка в качестве основного объекта внедрения травополья внес коррективы и в определение наиболее перспективных методов агрономического обслуживания. С целью концентрации имеющихся сил и средств на комплексной перестройке крестьянских хозяйств специалисты сибирских земельных органов разработали так называемый гнездовой метод агрообслуживания, при котором в пределах агрономического участка (сельского района) выбиралось 1–2, максимум 3 выделенных из общины и компактно расположенных поселка – «гнездо». В его рамках должен был проводиться одновременный согласованный комплекс мероприятий (землеустройство, кредитование, агрономическая и зооветеринарная помощь, снабжение семенами, машинами, кооперирование и др.) по реорганизации крестьянских хозяйств. На работе в «гнезде» сосредоточивались все наличные силы специалистов сельского хозяйства. Ко-

нечной целью работы был подъем всех хозяйств до оптимального уровня. После этого следовало переходить к обслуживанию других гнезд, по мере накопления сил и средств увеличивая их размеры, и в итоге завершить перестройку крестьянских хозяйств в масштабах всего района⁵⁴.

Новый метод агрообслуживания, первоначально названный групповым, был разработан и апробирован специалистами Омского губ-ЗУ. В губернском перспективном плане он определялся как разновидность индивидуального, поскольку предполагал работу с единичными, хотя и компактно расположенными, хозяйствами⁵⁵. На необходимость направления агрономических мероприятий *«на целые группы хозяйств, проводя эти меры не распыленно по всему агроучастку, а гнездами в сомкнутых соседних селениях»*, указало 5-е Сибирское земельное совещание⁵⁶. В октябре 1925 г. на места был направлен циркуляр крайземуправления, в котором участковому агроперсоналу предлагалось *«отдать решительное предпочтение»* гнездовому методу⁵⁷. 6 апреля 1926 г. данный метод был одобрен бюро Сибкрайкома⁵⁸.

Гнездовой метод должен был в известных пределах сочетаться с массовым и индивидуальным. Однако и в рамках данных методов участковым специалистам основное внимание следовало уделять внедрению отдельных элементов или переходных форм «оптимального» хозяйства. Так, агрономы должны были проводить в «культурных» хозяйствах опыты по районированию травопольных севооборотов, а также внедрять в массовое крестьянское хозяйство культуру сеяных трав. Особое внимание следовало уделять районированию и репродуцированию их семян. Переходной формой регулирования внутриселенных земельных отношений, которая давала *«инициативным группам возможность вводить улучшения в хозяйстве, вплоть до введения правильного паротравопольного севооборота»* и в то же время не создавала препятствий для образования выселка в будущем, называлась *«разбивка многодворных селений на мелкие земельные общества размеров оптимальных поселков с отводом каждому такому обществу самостоятельного участка в полевой земле»*⁵⁹.

Следует отметить, что поддержка гнездового метода земельными работниками также не была единодушной. В опубликованном на страницах «Земельного работника Сибири» отчете о состоявшемся в мае 1926 г. совещании заведующих окрЗУ и окружных агрономов сообщалось: *«Гнездовой метод нашел себе и защитников, и против-*

ников среди работников с мест. Сторонники гнездового метода указывали на его преимущество – концентрацию сил и средств, а противники мотивировали свою точку зрения доводом о том, что при гнездовом методе будут как бы сынки и пасынки»⁶⁰. И.И. Осипов в опубликованной в июле 1926 г. статье констатировал, что многие агрономы относятся к групповой работе отрицательно⁶¹.

Осуществление «нового курса» большевистской партии по отношению к крестьянству позитивно сказалось на развитии сельскохозяйственного производства и улучшило социально-политическую обстановку в деревне. Однако уже в конце 1925 г. началась корректировка аграрной политики. Основанием для этого стала негативная оценка партийного руководства страны итогов прошедшей в начале 1925 г. кампании по перевыборам сельсоветов. Относительная демократизация выборов привела к существенному снижению доли бедноты и коммунистов в составе советов⁶². Подобные результаты были восприняты как тревожный симптом, требующий политического купирования⁶³. В связи с этим октябрьский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) поставил в повестку дня текущей политики задачу *«сплочения бедноты и батрачества вокруг партии и Советского государства»*. Одним из методов укрепления союза с деревенской беднотой должно было стать оказание ей различных видов *«материальной, культурной и политической помощи»⁶⁴*.

Постановка данной задачи применительно к деятельности земельных органов реализовалась в требовании обязательной дифференциации агрономических мероприятий. Под этим понималась не выработка особых приемов работы в отношении всех социальных групп деревни, а увеличение объемов агропомощи бедноте и ее минимизация для зажиточных крестьян. Указание на необходимость дифференциации агромероприятий содержалось в постановлении президиума Сибкрайисполкома от 24 февраля 1926 г.⁶⁵

Дифференциация агромероприятий в повестке дня земельных органов Сибири первоначально вызвала непонимание и отторжение со стороны части аппарата. Особенно острая дискуссия по этому поводу развернулась на совещании заведующих окрЗУ и окружных агрономов в мае 1926 г. Заместитель заведующего крайЗУ И.И. Скоропешкин, указав, что в планах работ земорганов и в их практической деятельности отсутствует дифференциация мероприятий, потребовал исправить существующее положение⁶⁶. Ряд участников поддержал данную позицию. Однако большая группа выступивших высказала сомнения в реальности практического воплощения дифферен-

цированного подхода и в его целесообразности. В опубликованном на страницах «Земельного работника Сибири» отчете о совещании сообщалось: «По поводу дифференциации мероприятий выступавшие высказывали опасение в возможности проведения ее ввиду того, во-первых, что в селениях различные крестьянские экономические группы перемешаны, а во-вторых, вследствие отсутствия опыта в этой части и общей сложности вопроса»⁶⁷.

По мнению одного из участников совещания, Куншенко, село должно рассматриваться как единое целое⁶⁸. Особенно резко против дифференциации агромероприятий выступил И.С. Шилдаев, который в защиту своей позиции привел следующий пример: «На случайный пункт приводят двух кобылиц, из которых одна принадлежит бедняку, а другая – зажиточному. Кобыла бедняка – крыса [так в источнике. – авт.], а это часто бывает, а кобыла зажиточного – рысистая. С которой из них случить производителя? Я как агроном должен заботиться об улучшении сельского хозяйства, а не заниматься собесом. И я, не задумываясь, случил бы с рыистой кобылой, принадлежащей зажиточному»⁶⁹. И.И. Скороспешкин в заключительном слове подверг критике позицию И.С. Шилдаева, заявив: «Мы – орган пролетарского государства, целью какового является осуществление социализма в деревне. Значит не только задачи культурные, но и политические должны быть у нас на первом плане»⁷⁰. В итоге совещание приняло решение, обязывающее земорганы всех уровней придерживаться дифференцированного подхода.

В ходе обсуждения данной проблемы на последующих земельных совещаниях и в прессе были выработаны следующие приемы работы с беднотой⁷¹:

1) Вовлечение в производственные и сбытовые кооперативы: маслоартели, машинные, семенные, поселковые, контрольные и др. товарищества.

2) Льготное снабжение сельхозмашинами и кредитование; оказание помощи в оптимальном использовании кредита и применении машин и сельхозинвентаря.

3) Особый порядок землеустройства: первоочередной прием заявок, выделение более лучших участков без жеребьевки, льготы по оплате или бесплатное проведение.

4) Проведение посильных агрикультурных мероприятий: закладка показательных посевов с выдачей семян; утепление существующих, а не строительство новых теплых скотных дворов и т.п.

5) Первоочередное льготное или бесплатное выделение напрокат сельхозинвентаря, имеющегося на агропункте; снижение, отмена или отсрочка платежей за случку сельскохозяйственных животных.

6) Выбор в качестве объекта для «гнездования» бедняцких поселков или групп бедняцких хозяйств в селе для их выделения в выселок.

Помимо проведения специальных мероприятий с бедняцкими хозяйствами перед земельными органами была поставлена задача усиления внимания к организации агрообслуживания колхозов.

Несмотря на неоднократные указания партийных и советских органов, а также нового руководства крайЗУ, в полной мере реализовать требования «классового подхода» в практической деятельности земельных органов Сибири в 1926–1927 гг. не удалось. В ряде документов констатировалось отсутствие дифференциации агромероприятий, недостаточное внимание к нуждам бедноты, не полный охват колхозов агрообслуживанием⁷². В адресованном заведующим окрЗУ циркуляре заведующего крайЗУ от 5 июля 1927 г. указывалось, что одной из существенных причин недостаточного проведения «классовой линии» в агрообслуживании является *«незаметное на первый взгляд, но упорное сопротивление осуществлению нашей партийной линии»*, ее сознательное извращение. В циркуляре была поставлена задача принять *«решительные меры к тому, чтобы сломить скрытое сопротивление аппарата в вопросах основного направления политики – обслуживании и укреплении социалистического сектора и бедняцкого хозяйства и добиться коренного перелома в настроении работников низовой сети с тем, чтобы взять твердый курс на осуществление в с[ельском] х[озяйстве] поставленных партией задач»*⁷³. К циркуляру была приложена «Выписка из секретного материала о работе и состоянии низового земельного аппарата по Сибирскому краю», в которой констатировалось наличие в составе земельных органов края большого процента служащих *«с чуждой и анти-советской идеологией»*⁷⁴. В этих документах указывалось на необходимость усиления контроля за деятельностью земельного аппарата и его «чистки» «от антисоветского и чуждого элемента».

Беспрецедентный по тону и содержанию циркуляр крайЗУ является ярким свидетельством радикализации аграрной политики. Важным этапом на пути оформления новой линии большевистской партии в агро-крестьянском вопросе стал XV съезд ВКП(б), поставивший в непосредственную повестку дня партийных и советских орга-

нов задачу коллективизации сельского хозяйства и заявивший о необходимости «*более решительного наступления на кулака*»⁷⁵.

Решения XV съезда оказали непосредственное влияние на деятельность земельных органов Сибири. Местные последователи неонароднических концепций подверглись жесткой критике на партийных форумах и в прессе⁷⁶. Началось их устранение с руководящих должностей в краевом и окружных земуправлениях. В 1929 г. по указанию Сибкрайкома ВКП(б) была проведена массовая «чистка» земельного аппарата⁷⁷. Пересматривались подходы к организации и методам агрономического обслуживания деревни. Персоналу агроучастков предлагалось посвящать 80–90% своего рабочего времени колхозам. Дезавуировалась точка зрения о том, что социализм в деревне может быть выражен суммой культурных хозяйств. Какая-либо работа с зажиточными хозяйствами, в том числе и «культурными», признавалась абсолютно недопустимой. Более того, от подобных «культурников» следовало «*решительно отмежеваться*»⁷⁸. В единоличном секторе перед агрономами была поставлена задача обслуживания бедноты и середняков «*с тем, чтобы в возможно более короткий срок привести их хозяйство к коллективному*»⁷⁹. «Отпор» был дан «*принципам и теориям земской агрономии*». В частности, критике был подвергнут «общественный» характер агрообслуживания, который реализовался в «*обособлении агроучастков от местных (районных) властей*»⁸⁰.

Ревизии подлежал «гнездовой» метод. А. Куликов в опубликованной на страницах «Земельного работника Сибири» статье на примере нескольких поселков, подвергнутых «гнездованию», доказывал, что они превратились в «*питомники капиталистических хозяйств*», а живущие в данных поселках крестьяне отрицательно относятся к перспективе коллективизации, которая, таким образом, была подменена «*кулактивизацией*». А. Ананьев на страницах «Советской Сибири» определил поселки, в которых была проведена комплексная реорганизация крестьянских хозяйств, как «*гнезда капитализма*». Задерживающим коллективизацию был признан раздел сельхозугодий поселка на постоянные отруба. Более того, С. Бузиновский назвал ошибочной даже проводимую в них работу по объединению крестьян в простейшие производственные кооперативы, поскольку они давали возможность для сохранения «*индивидуальности крестьянского хозяйства (то есть его капиталистической сущности)*». По мнению В. Дементьева, «*развертывающаяся агроработа в гнездах единоличных крестьянских хозяйств без до-*

статочного количества агрономических сил и средств» приводит к ослаблению обслуживания коллективных хозяйств⁸¹. В связи с этим предлагалось в качестве объекта «гнездового метода» впредь избирать только колхозы, быстрый подъем которых на основе комплексной рационализации должен был явиться катализатором коллективизации. Обслуживание «трудовых» единоличных хозяйств могло проводиться в рамках массового метода.

Были скорректированы и подходы к проблеме травополя. В официальных документах и региональной сельскохозяйственной литературе оно по-прежнему рассматривалось как основа агротехнологической реконструкции сельского хозяйства⁸². Однако при этом подчеркивалось, что его введение является не самоцелью, а технико-производственной задачей, которая может быть решена только в условиях коллективизации⁸³. По решению состоявшегося в октябре 1928 г. краевого совещания по повышению урожайности травополе в полном объеме могло вводиться только в совхозах и колхозах. В единоличном секторе следовало ограничиться травосеянием. Данная работа не должна была проводиться в ущерб массовым мероприятиям по рационализации существующих систем земледелия. Не исключалась также возможность выбора зерновой специализации отдельных районов⁸⁴.

Изменились не только подходы к организации агрообслуживания, но и его приемы, которые снова приобрели «военно-коммунистическое» содержание. Уже весной 1928 г. была проведена «ударная» весенняя посевная кампания. Основными организаторами этой и последующих сельскохозяйственных кампаний стали партийные и советские органы. Низовой агроперсонал привлекался к участию не только в сельскохозяйственных, но и иных хозяйственно-политических кампаний: хлебозаготовительных, по выявлению объектов обложения, распространению госзаймов и др. В течение 1928–1929 гг. произошел переход от убеждения единоличных и коллективных хозяйств в необходимости проведения агромероприятий к принуждению их выполнения, что знаменовало собой окончательное свертывание нэпа.

¹ Советская Сибирь. 1920. 21 янв.

² ГАНУ, ф. Р-13, оп. 1, д. 66, л. 7–8.

³ Там же, д. 1309, л. 47 об.

⁴ Там же, д. 258, л. 19–20.

-
- ⁵ Там же, д. 1281, л. 64–67 об.
- ⁶ Там же, л. 61 об.
- ⁷ См.: Розе А.М., Осипов И.И. *Агрономическая организация Сибири. Формы и принципы организации. Задачи и методы работы.* Новониколаевск, 1925; *Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии.* Омск, 1924. С. 363–369; *Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии.* Омск, 1924. С. 271–273; ГАНО, ф. Р-1129, оп. 1, д. 321, л. 21.
- ⁸ ГАНО, ф. Р-13, оп. 1, д. 1383, л. 13–14; д. 258, л. 19–19 об.; Розе А.М., Осипов И.И. *Агрономическая организация Сибири.* С. 12.
- ⁹ *Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания.* Новониколаевск, 1925. С. 17.
- ¹⁰ ГАНО, ф. Р-1072, оп. 2, д. 5, л. 141.
- ¹¹ *Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания.* С. 17; *Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии.* С. 367–368; *Сельское хозяйство Сибирского края.* Новосибирск, 1926. Вып. 2: *Перспективный план.* С. 346–347.
- ¹² ГАНО, ф. Р-13, оп. 1, д. 1615, л. 3; *Сибирская советская энциклопедия.* Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 17.
- ¹³ Осипов И.И. *Формы и принципы сибирской агрономической организации // Земельный работник Сибири.* 1926. № 11. С. 10.
- ¹⁴ Розе А.М., Осипов И.И. *Агрономическая организация Сибири.* С. 11.
- ¹⁵ Осипов И.И. *Формы и принципы сибирской агрономической организации.* С. 11–12.
- ¹⁶ ГАНО, ф. Р-1129, оп. 1, д. 321, л. 22; ф. Р-1072, оп. 1, д. 96, л. 83 об.–84; Осипов И.И. *Формы и принципы сибирской агрономической организации.* С. 11.
- ¹⁷ Осипов И.И. *Вопросы классификации и терминологии в общественной агрономии // Земельный работник Сибири.* 1927. № 7. С. 3.
- ¹⁸ ГАНО, ф. Р-13, оп. 1, д. 66, л. 7–8.
- ¹⁹ *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.* М., 1967. Т. 1. С. 271–272.
- ²⁰ *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 242.
- ²¹ *Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания.* С. 4.
- ²² П.А. Месяцев (1889–1938 гг.) – член большевистской партии с 1906 г. В 1921–1924 гг. – член коллегии Наркомзема РСФСР, был одним из идеологов и разработчиков *Земельного кодекса 1922 г.* В октябре 1924 г. командирован в Сибирь в качестве уполномоченного НКЗ РСФСР с назначением на должность зав. СибЗУ. С сентября 1924 г. – член Сибревкома (затем Сибкрайисполкома), с ноября – Сибкрайкома РКП(б). В 1926 г. отозван из Сибири. В последующие годы работал в кооперации, сельхозбанке, Госплане СССР.
- ²³ Доклад П.А. Месяцева изложен в его статьях: *Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве // Жизнь Сибири.* 1925. № 5; *К вопросу об объектах и методах работы земельных работников в деревне // Земельный работник Сибири.* 1925. № 1.

-
- ²⁴ Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 56.
- ²⁵ См.: ГАНО, ф. Р-1129, оп. 1, д. 203, л. 36; РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2972, л. 40.
- ²⁶ РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2972, л. 113 об. Следует отметить, что к подобным выводам пришел не только зав. Сибземуправлением. Секретарь Сибкрайкома РКП(б) С.В. Косиор, выступая на II сибкрайпарткоференции (ноябрь 1925 г.), говорил: «*Товарищи, приехавшие из деревни* [члены комиссий по обследованию сибирской деревни – В.И.], *заявили нам: там никакого кулака нет вообще*». — РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 1036, л. 23.
- ²⁷ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 219.
- ²⁸ Месяцев П.А. Классовое направление аграрной политики... С. 20.
- ²⁹ См.: Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 397.
- ³⁰ ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 103, л. 17.
- ³¹ Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии; Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии; Перспективный план развития сельского хозяйства Томской губернии. Томск, 1926; Перспективный план развития сельского хозяйства в Иркутской губернии // ГАИО, ф. 260, оп. 1, д. 1361; Перспективный план восстановления сельского хозяйства Ойротии // ГАНО, ф. Р-1180, оп. 1, д. 295.
- ³² Подробнее об истории разработки губернских и общесибирского перспективных планов развития сельского хозяйства см.: Ильиных В.А. Перспективные планы сибирских земельных органов середины 1920-х гг. как источник изучения аграрных и кооперативных концепций периода нэпа // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып.2.
- ³³ Опубликованный план состоял из двух томов. В первом (Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1: Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства), наряду с кратким, но емким историческим экскурсом, давалась подробная характеристика современного состояния аграрного производства в регионе. Второй том (Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 2: Перспективный план) содержал описание будущей модели сельского хозяйства Сибири.
- ³⁴ Сельское хозяйство Сибирского края. Вып.2. С. 6.
- ³⁵ См.: Ильиных В.А. Перспективные планы сибирских земельных органов... С.91–92.
- ³⁶ Предлагаемый в «Перспективном плане» для западносибирского лесостепного района девятипольный севооборот имел следующую схему: 1 – твердая пшеница по поднятой искусственной залежи, 2 – мягкая пшеница, 3 – удобренный навозом пар в сочетании с посевами корнеплодов и чечевицы, 4 – озимая рожь и мягкая пшеница, 5 – овес и ячмень, 6–9 – многолетние сеяные травы. — Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 100.
- ³⁷ См.: Марковский С.С. Направление агрономической мысли Омского центрального сельскохозяйственного общества // Труды Омского центрального сельскохозяйственного общества (Деятельность учреждений общества за 1920–

1922 гг.). Омск, 1923; Он же. Эволюция и перспективы сельского хозяйства в Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 2; [Шилдаев И.С.] Кризис залежной системы. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып.1.; Осипов И.И. Основные предпосылки агрикультурной политики Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 1; Он же. Сибирское сельское хозяйство и его перспективы. Новосибирск, 1926.

³⁸ По данным И.И. Осипова, средняя урожайность зерновых на территории Омской губернии (в границах 1924 г.) в 1910–1914 гг. и в 1915–1919 гг. была ниже, чем в 1905–1909 гг. на 19 и 31% соответственно. — Жизнь Сибири. 1924. № 1. С. 11.

³⁹ Марковский С.С. Направление агрономической мысли... С. 10.

⁴⁰ ГАНО, ф. Р-13, оп. 1, д. 143, л. 35; Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 40; Перспективный план восстановления и развития сельского хозяйства Алтайской губернии. С. 1.

⁴¹ ГАНО, ф. Р-13, оп. 1, д. 1276, л. 103. В первоначальном варианте резолюции ноябрьского (1923 г.) Сибземсовещания (Там же, л. 90) указывалось, что в Енисейской и Иркутской губерниях необходимости перехода к травополью нет, а его введение в Западной Сибири также не должно иметь обязательного характера для всей территории региона.

⁴² Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания. С. 16.

⁴³ Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 1–2.

⁴⁴ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 4. С. 58.

⁴⁵ РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2972, л. 57 об.; ГАНО, ф. Р-1129, оп. 1, д. 203, л. 50, 53–54, 57; ф. Р-1072, оп. 1, д. 213, л. 14; Котов А. Агрономические перспективы Сибири // Пути сельского хозяйства. 1925. № 4; Сельскохозяйственные районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и мероприятия сельскохозяйственной политики: Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/29–1932/33 гг. // Труды Земплана. Вып. 13. М., 1927. С. 51–52.

⁴⁶ В постановлениях плановой комиссии НКЗ РСФСР по операционным планам Омского ГЗУ (от 1 июля 1924 г.), Алтайского ГЗУ (от 30 августа 1924 г.) и СибЗУ (от 17 марта 1925 г.) было отмечено, что опытные данные не дают оснований для повсеместного перехода к травополью. СибЗУ опротестовало данное постановление в письме в НКЗ и направило в Москву делегацию в составе И.И. Осипова, С.С. Марковского и В.В. Сабашникова для отстаивания своей точки зрения. 5 июня 1925 г. в Земплане состоялось совещание по вопросу о перспективах агрикультурного развития Сибири. По докладу И.И. Осипова были отмечены недостаточная обоснованность в оперативном плане СибЗУ необходимости и своевременности перехода к травополью, а также недостаточный учет экономических и естественно-географических особенностей отдельных районов при решении порайонного построения вводимой системы. — РГАЭ, ф. 478, оп. 3, д. 2884, л. 73, 74, 83.

⁴⁷ ГАНО, ф. Р-1072, оп. 1, д. 213, л. 2.

⁴⁸ В 1926 г. на территории Сибирского края насчитывалось 1349 тыс. крестьянских хозяйств. — Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 36.

⁴⁹ В 1922 г. в Омской губернии на травополе перешло одно, в 1923 г. — 16 хуторских хозяйств. — Земельный работник Сибири. 1925. № 1. С. 42.

⁵⁰ В помощь земледельцу. 1924. № 6. С. 26; Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. С. 266–267; Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 2. С. 439.

⁵¹ Существовали различные точки зрения на оптимальные размеры выселка: 15–20 дворов (Осипов И.И. Роль землеустройства в деле восстановления сельского хозяйства Западной Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 7–8. С. 35); 18–20 дворов (Максимов В.Е. Опыт отыскания оптимальных размеров поселка при расселении на выселок // Земельный работник Сибири. 1925. № 2–3. С. 23). В «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края» в различных сельскохозяйственных районах региона в поселок включалось от 10 до 30 дворов.

⁵² В «Перспективном плане развития сельского хозяйства Сибирского края» предусматривалось объединение находящихся на территории поселка хозяйств в поселковые товарищества, которым принадлежали животные-производители и сельскохозяйственные машины — многолемешные плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки, веялки и т.п. Более сложная сельхозтехника сосредоточивалась на кооперативных прокатных пунктах. Менее же сложный сельхозинвентарь (плуги, бороны, телеги, сани и т.п.) оставался в индивидуальных хозяйствах.

⁵³ ГАНО, ф. Р-1072, оп. 1, д. 79, л. 14; Максимов В.Е. К начинающейся землеустроительной кампании // Земельный работник Сибири». 1925. № 1.

⁵⁴ См.: Осипов И.И. Групповой (гнездовой) метод агрономической работы // Земельный работник Сибири. 1926. № 7; Шилдаев И.С. Тезисы доклада «Гнездовой метод участковой работы» // ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 97, л. 466; ф. 847, оп. 1, д. 7, л. 120–121.

⁵⁵ Земельный работник Сибири. 1927. № 11. С. 11; Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. С. 370.

⁵⁶ Резолюции 5-го Сибирского земельного совещания. С. 21.

⁵⁷ ГАКК, ф. 850, оп. 1, д. 97, л. 466.

⁵⁸ Известия Сибкрайкома. 1926. № 4. С. 58.

⁵⁹ Максимов В.Е. К начинающейся землеустроительной кампании. С. 19.

⁶⁰ Земельный работник Сибири. 1926. № 7. С. 56, 11.

⁶¹ Осипов И.И. Групповой (гнездовой) метод агрономической работы. С. 11.

⁶² Доля коммунистов в составе сельсоветов в Сибирском крае снизилась с 9,5 до 4,8%. — Боженко Л.И., Гагарин А.В. Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск, 1971. С. 45, 48.

⁶³ См.: Гушин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 114–116.

⁶⁴ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 415.

⁶⁵ ГАНО, ф. Р-518, оп. 1, д. 245, л. 75.

-
- ⁶⁶ Там же, ф. Р-1072, оп. 1, д. 213, л. 5.
- ⁶⁷ Земельный работник Сибири. 1926. № 7. С. 56.
- ⁶⁸ ГАНО, ф. Р-1072, оп. 1, д. 213, л. 27.
- ⁶⁹ Там же, л. 28 об.
- ⁷⁰ Там же, л. 35 об.
- ⁷¹ См. Земельный работник Сибири. 1926. № 11. С. 3–4; 1927. № 3. С. 3; № 7. С. 12; № 9–10. С. 10; ГАОО, ф. Р-28, оп. 1, д. 82, л. 231; ГАКК, ф. 847, оп. 1, д. 18, л. 83–85.
- ⁷² ГАНО, ф. Р-518, оп. 1, д. 245, л. 75; ф. П-2, оп. 7, д. 173, л. 37; ГАКК, ф. 847, оп. 2, д. 7, л. 83–87; ГАРФ, ф. А-406, оп. 10, д. 836, л. 52–54.
- ⁷³ ГАНО, ф. Р-1072, оп. 1, д. 28, л. 70 об.–71 об.
- ⁷⁴ Там же, л. 72–88.
- ⁷⁵ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 295, 299.
- ⁷⁶ См.: За четкую классовую линию: Сб. Новосибирск, 1929. С. 152; IV Сибирская краевая конференция ВКП(б): Стенограф. отчет. Новосибирск, 1929. С. 52; Нусинов И. О «культурничестве» и коллективизации // На ленинском пути. 1928. № 5. С. 6; Подгорнов П.М. Классовая линия в работе земорганов Сибирского края // Там же. 1929. № 18; Куликов А. Генеральная линия // Земельный работник Сибири. 1928. № 1; Дандэн К.Я. На переломе // Там же. № 4–5; Д. П[егухов]. О некотором современном руководстве и установках для нас вредных // Там же. № 7–8; и др.
- ⁷⁷ См.: За социалистическое земледелие. 1929. № 2, 3.
- ⁷⁸ Земельный работник Сибири. 1928. № 4–5. С. 16, 17; № 10. С. 54.
- ⁷⁹ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 2530, л. 34.
- ⁸⁰ Земельный работник Сибири. 1928. № 7–8. С. 91–92.
- ⁸¹ Куликов А. О паротравополье, гнездовом методе и о подмене коллективизации кулактизацией // Земельный работник Сибири. 1928. № 9; Дементьев В. Еще о гнездовом методе работы // Там же. 1928. № 10; Гридусов. В чем суть дела? Как надо правильно понимать директиву партийного съезда // Там же. № 4–5; Бузиновский С. О методах работы по реорганизации хозяйств в засушливых районах // Земельный и лесной работник Сибири. 1929. № 2–3; Советская Сибирь, 1928. 16 июня.
- ⁸² Ситуация изменилась в 1930 г. Предполагаемое при массовом внедрении травополья значительное увеличение площадей, занятых сеянными травами в основном за счет сокращения прироста посевов зерновых, по мнению оппонентов «травяного шаблона», противоречило поставленной Коммунистической партией задаче – разрешить зерновую проблему. Исходя из этого, травопольная система земледелия стала рассматриваться как агротехнологическая диверсия, направленная на срыв социалистического строительства. — См.: Хоробрых Ф.А. Кондратьевщина и вопросы развития сельского хозяйства Сибири // Жизнь Сибири. 1930. № 11–12; Он же. Кондратьевщина и ее представители в Сибири. Новосибирск, 1931.
- ⁸³ Куликов А. О паротравополье... С. 7–8; Васильев Н.С. Сельское хозяйство в пятилетнем плане Сибзема // Жизнь Сибири. 1929. № 2–3. С. 54–55.
- ⁸⁴ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 2530, л. 5.